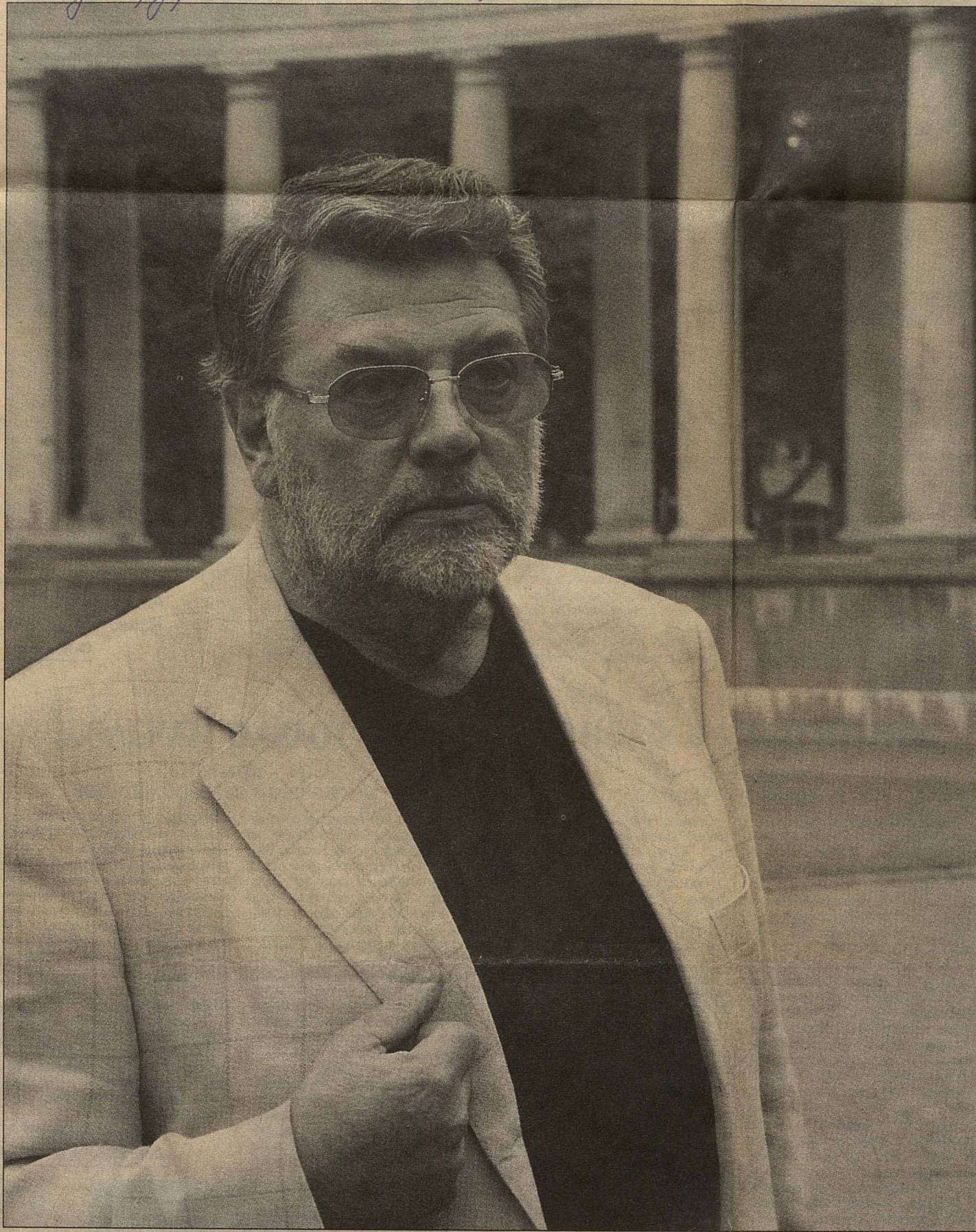

Человек-оркестр

Культура — 2004. — 22-28 июля. — с. 1-2

Александр Ширвиндт скрылся в день своего юбилея — 19 июля. Он сейчас на Валдае, курит трубку и ловит рыбу. И счастлив этим состоянием покоя человека, уставшего от внимания публики, сбегавшего от телефонов — домашнего, дачного, мобильного, которые разрываются каждый день. Быть худруком Театра сатиры, как и любого театра, значит входить в вынужденные контакты сверх меры с людьми, а еще играть спектакли в праздники и выходные, давать интервью, вести телепередачи, выступать на радио. На его рабочем столе ежедневно скапливается солидная стопка приглашений на мероприятия, встречи, банкеты, фуршеты. Он никогда не опаздывает, не обещает больше того, что может, но и не отказывает в просьбах. Великодушен к недругам, заботлив к близким.

Он — кумир публики, бальмовень судьбы, счастливчик. Природа щедро одарила Александра Анатольевича. Красавец, которого в советском кинематографе почему-то эксплуатировали в основном в ролях негодяев. А если начать перебирать его фотографии (посмотрите их малую часть на сайте Театра сатиры, где они специально вывешены к юбилею), то впору за голову схватиться. Как такую фактуру не использовало наше кино в должной мере, остается загадкой. Но не нашлось, видимо, своего Лукино Висконти или Федерико Феллини.

Ширвиндт почти всегда умнее своих персонажей, кого бы он ни играл. Кажется, перевоплощаться в супергероя ему нелегко. Слишком умен. Даже в знаменитой эстрадной паре с его сямским близнецом Михаилом Державиным (так шутит Ширвиндт) маска Александра Анатольевича — снисходительный остроумец, циник, превращающий партнера в объект ироничных издевок. Сатира предполагает наличие не ампулы, а именно маски. Это у серьезных театров есть трагики и комики, а в Сатире трагик — самый смешной человек.

Однако Ширвиндт как актер шире такого непростого предназначения, как быть маской.

Щукинец по своему театральному отрочеству, он начинал карьеру у Анатолия Эфроса в Ленкоме, где постигал в конце 50-х его университеты. Здесь он сыграл Тригорина в "Чайке", Людовика в "Мольере", Феликса в "104 страницах про любовь", Нечаева в "Снимается кино". Нетрудно догадаться по этому перечню, что молодой Ширвиндт занял место героя у молодого Эфроса. Преданно он уходит вслед за опальным режиссером на Малую Бронную, но... Место героя займет там Николай Волков, а Ширвиндт, ни слова не говоря, не участвуя в интригах, не выпрашивая рольки, через два года уйдет в Театр сатиры, где служит по сей день, тридцать четыре сезона. Уйдет мужественно, как об этом напишет Ольга Яковлева в своей книге. Никогда не спрашивала у Алек-

сандра Анатольевича, каких сил стоил ему этот переход, но он был не просто кардинальным, а поворотным. Актер уходил в совершенно другой, противоположный эфросовскому миру театр. Конечно, в Сатире он появился как король капустников, остроумец, ставший знаменитым в элитной театральной среде. Но одно дело — расслабляться в Доме актера, зная, что завтра ты играешь Тригорина. И совсем другое, когда ты осознаешь, что больше таких ролей играть не будешь. Кажется, Ширвиндт тогда делал выбор в сторону свободы, навстречу публике. И, сыграв сразу графа Альмавиву, что было не столь трудно после булгаковского Людовика, определил свою манеру во вновь избранном им театре. Эпоха Плучека — это четырнадцать ролей, среди которых: Молчалин в "Горе от ума" и Добчинский в "Ревизоре", Министр-администратор в "Обыкновенном чуде" и Президент репортажа в "Клопе", фектор в "Доме, где разбиваются сердца" и Роберт Пила в "Трехгрошовой опере". Он играл в пьесах Макаенка, Друцэ, Искандера. Его имя входит в список культовых актеров Театра сатиры. Он становится незаменимым в спектаклях-ревю и обзрениях, в которых вообще на все руки горазд: пишет сценарии, ставит, играет. Человек-оркестр. Здесь окончательно определяются типаж, маска, образ...

Даже Марк Захаров — друг и соратник, а еще сосед по даче — не может определить свойство таланта своего товарища. В своей книге ищет слова для подробного определения и не находит. Назвать его шоуменом хоть язык и поворачивается, но тут же слово это исключается. Марк Анатольевич искренне восхищается тем, как внезапно и мгновенно рождается у Ширвиндта блистательная шутка. Захаров приводит пример. К нему домой приходит Ширвиндт. Жена Захарова Нина ставит на стол банку красной икры. Гость запускает нож, достает икринку и апеллирует к Нине: "Смотри, здесь твоя пенсия". Остричь умеют многие, но Ширвиндт не шутит, он так реагирует на мир. Вот приходит с премьеры и выдает оценку: "Раньше ставили спектакли к датам, а сейчас ко дню рождения спонсора". Или: "Вчера слушал Жириновского. Фантастический фонтан антилопки", "В Новый год переключал кнопки телевизора. Количество мужчин, переодетых в женское платье, зашкаливает на всех каналах". Набирает номер телефона министра культуры: "Катенька, — обращаясь к секретарше, — а министр в черте оседлости?" Это все выдается каскадом, походя. Случается, его оценки театральных спектаклей так афористичны, что после них ничего не надо писать.

(Окончание на 2-й стр.)

Фото Ирины КАЛЕДИНОЙ

А. Ширвиндт

Человек-оркестр

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

Его взгляд не пропускает ничего, и можно было бы назвать такую цепкость безжалостной, но это не так. Ширвиндт великодушен. Его ироничные реакции никогда не обижают, даже когда он нередко использует неформальную лексику, то всегда ухитряется оставаться деликатным человеком, отчасти экстравагантным и не отчасти джентльменом. О себе говорит: "Я — человек интеллигентный, хотя бы родословно". Отбросим хотя бы. Мальчик из хорошей семьи, отец — музыкант Большого театра, мать — актриса

МХАТа, а потом — работник филармонии.

Его детство прошло в окружении таких величин, как Дмитрий Журавлев, Святослав Рихтер. На даче эти великие представители нашей культуры руководили любительским театром детишек. Такое даром не проходит. Ширвиндту привили то, что когда-то считалось правилами хорошего тона, а сейчас воспринимается как исключительная воспитанность.

В Ширвиндта, который три сезона возглавляет Театр сатиры, "оптимальная критика" (опять из его лексико-

на) то и дело направляет стрелы: мол, что за программа у театра, нет концепции, нет новых идей. Во-первых, у кого есть? Во-вторых, программа программе рознь. Ширвиндт не человек манифестов, не любитель теоретических полемик, хотя весьма начитан.

Если хотите, его программа в том, чтобы ставить для людей. Стрелер решал такую задачу по-своему. У Ширвиндта — иначе. Да, здесь не будут тянуться к высотам интеллектуальной драмы, мучить социальными проблемами. Здесь в цене обыкновенное, которое способно стать

смешным. Кажется, задача простая, но лишь на первый взгляд. Пусть еще кто-то попробует ее решить. Посмотрим, как получится.

Сам Александр Анатольевич по жизни совсем не весельчак. Блеск его остроумия не заслонит от внимательного взгляда того, что Ширвиндт — печальный мудрец. И он мог бы сыграть не только поэта Орнифля, продавшего талант на потребу, но и Екклесиаста, мудреца, знающего, что все суета сует, но все-таки пишущего свою Книгу.

Ольга ГАЛАХОВА